

On the “birth and maturation” of the theory of family law contract

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-2-126-141

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the prerequisites for the maturation of the conceptual foundations of the theory of family law contract. It is noted that, despite the presence of contractual structures in the codified family legal acts of various periods of the evolution of Russian (Soviet) legislation, their systematization, the study of the features that distinguish these agreements from the contracts of classical civics, began to be carried out in the last thirty years. At the same time, the basis for the development of this theory and the implementation of its applied results was created back in the middle of the twentieth century, when the doctrine consistently and convincingly formulated the prerequisites of sovereign family law and the specific properties of family legal relations that distinguish them from civil law relations. The main characteristics of the family law contract structure, its species diversity are proposed, lacunae and errors in the legal regulation of individual agreements are identified, hypotheses about the legal nature of some of them are expressed. The key functions of family law contracts are considered. Among the doctrinal sources, the works of O. N. Nizamieva, her contribution to the formation and development of the theory of family law contract, as well as to the improvement of individual contractual structures with a family element, including those of a mixed and borderline nature, are highlighted.

Keywords: family law; family legal relations; family law contract; sovereignty; systematization; specific features; types of contracts; optimization of the content of contracts; functions of family law contracts

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.
-----------------------	---

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

For citation: Tarusina N. N. On the “birth and maturation” of the theory of family law contract // Demidov Law Journal. 2025. Vol. 15, No. 2. P. 126-141. (in Russ.)

О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора

Н. Н. Тарусина

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-2-126-141

УДК 347.64

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье анализируются предпосылки для вызревания концептуальных основ теории семейно-правового договора. Отмечается, что несмотря на присутствие договорных конструкций в кодифицированных семейно-правовых актах различных периодов эволюции российского (советского) законодательства, их систематизация, исследование особенностей, отличающих данные соглашения от договоров классической цивилистики, начало осуществляться в последнее тридцатилетие. При этом основа для развития данной теории и воплощения ее прикладных результатов была создана еще в середине двадцатого века, когда в доктрине последовательно и убедительно были сформулированы предпосылки суверенного семейного права и специфические свойства семейных правоотношений, отличающие их от правоотношений гражданского оборота. Предложены основные характеристики конструкции семейно-правового договора, ее видовое разнообразие, выявлены лакуны и ошибки в правовом регулировании отдельных соглашений, высказаны гипотезы о правовой природе части из них. Рассмотрены ключевые функции семейно-правовых договоров. Среди доктринальных источников особо выделены труды О. Н. Низамиевой, ее вклад в становление и развитие теории семейно-правового договора, а также в дело совершенствования отдельных договорных конструкций с семейным элементом, в том числе смешенной и пограничной природы.

Ключевые слова: семейный закон; семейные правоотношения; семейно-правовой договор; суверенность; систематизация; специфические особенности; виды договоров; оптимизация содержания договоров; функции семейно-правовых договоров

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист
Российской Федерации, заведующий кафедрой социального
и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Для цитирования: Тарусина Н. Н. О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора // Демидовский юридический журнал. 2025. Том 15, № 2. С. 126-141.

На рубеже предыдущего и действующего столетий вектор исследовательского внимания сначала «качнулся», а затем оформился как относительно устойчивый в область семейно-правового договорного регулирования. Это, разумеется, не оз-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

начает, что соглашения (договоры) с семейным элементом не присутствовали в законодательстве, не были объектом правоприменительной практики, доктринальных размышлений и не

составляли весьма важную часть житейского бытия. Однако три ипостаси из названных четырех, до определенных моментов в эволюции законодательства о семье и браке, не обладали чертами суверенности, а исследовательский контекст не был вооружен системным анализом и должной аргументацией о факте таковой суверенности. До 1917 года рассматриваемый тип соглашений находился в ведении гражданского права (как и вся семейно-правовая нормативистика в целом, кроме некоторых изъятий в пользу права церковного). Соответственно и цивилистическая наука не видела оснований для их значимой спецификации, хотя в ученом мире и раздавались отдельные голоса в пользу формирования особой методологии позитивного регулирования отношений семейственных, а более того – защитных процедур для разрешения семейных тяжб (прежде всего – личного, неимущественного характера)¹.

С 1917 года, как известно, начался расцвет семейного законодательства – в декретах и первых кодифицированных актах (из «бутонов», чья энергетика копилась еще в дореволюционный период, раскрывались «соцветия» о равном статусе женщины и мужчины, детей – независимо от обстоятельств их рождения и др.). Из плеяды цивилистических кодексов первым, почти сразу после октябрьской революции, появился именно Кодекс законов об актах гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве (1918 г.), опередив Гражданский кодекс РСФСР на четыре года (1922 г.). С этого момента из-под «материнской опеки» гражданского права освободились и некоторые договорные конструкции², связанные с функционированием семьи (при этом супружеский семейный союз к ним не относился, ибо законодатели и доктринеры той поры стремились противопоставить буржуазному браку как сделке брак социалистический, основанный на других революционных принципах). И хотя сторонники сохранения над семейным правом и законом «крыши» права гражданского подчеркивают случайность данного факта, скорее его вынужденность, нежели следствие продуманного решения (Л. Ю. Михеева [4, с. 196-197]), поскольку гражданское право «никто не собирался возрождать», а семейные отношения нуждались в правовом регулировании на новых началах (М. В. Антокольская [5, с. 64]), это не отражает стратегических предпосылок суверенизации семейно-правовой методологии, как мы уже заметили, не только в революционный и постреволюционный периоды, но и в конце XIX в. – начале XX в. в доктрине были высказаны соображения о безусловной специфике правоотношений с семейным элементом, а в середине XX в. появились научные труды (прежде всего – Е. М. Ворожейкина), содержавшие убедительно аргументированные идеи о самостоятельности семейного права как отрасли советского (российского) права [6]. Цивилистика окончательно перестала быть монолитом: к трудовому праву присоединилось право семейное, предмет и методология которого стали все более отдаляться от соответствующих классических характеристик (хотя в 90-е годы прошлого столетия и произошел определенный «рецидив» болезненных проявлений гражданско-правового «анамнеза» [1; 2]).

Несмотря на означенный процесс суверенизации, в науке семейного права до определенного времени договорная составляющая семейно-правовой «мате-

¹ Подробно об этом см. в других трудах автора [1; 2].

² Об эволюции соглашений в семейно-правовой сфере советского периода см. др. работы [3].

рии» системно не исследовалась – внимание сосредоточивалось на анализе ее отдельных разновидностей. Идеологический толчок в заданном направлении был произведен в общей теории права. Было заявлено, что несмотря на доминирование цивилистического представления о конструкции договора, последний относится к универсальным категориям: договорные сущности и формы не относятся к исключительному ведению гражданского права – созрели предпосылки для разработки общей теории договора [7, с. 293]; его универсальные, интегральные свойства сочетаются с индивидуализацией на отраслевом уровне (по субъектам, объектам, содержанию, динамике «развертывания и свертывания»), сам же феномен является одним из важнейших средств взаимодействия интересов личности, государства и общества (Р. О. Халфина [7], О. А. Красавчиков [8, с. 274-276], Н. Г. Александров [9, с. 82-83], Ю. А. Тихомиров [10, с. 27-35] и др.) Следует также заметить, что в еще более отдаленном времени некоторые к тому предпосылки были зафиксированы профессором Демидовского юридического лица Л. С. Талем, обосновавшем тенденцию к суверенизации трудового права и, соответственно, трудового договора [11, с. 663-687].

Предпосылки, однако, сработали далеко не сразу – зачатки теории семейно-правового договора начали прирастать «мякотью» (но не мягкостью) аргументации преимущественно, как мы уже заметили, с начала двухтысячных годов. Среди ее доктринеров – автор настоящей статьи и О. Н. Низамиева [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19]. При этом следует заметить, что авторский вклад в теорию скорее окрашен эмоциональной энергетикой, жесткой критикой применения к соглашениям в семейно-правовой сфере сугубо гражданско-правовой методологии [20; 21; 22], а вклад второго активного и плодотворного участника исследования обсуждаемых конструкций – теоретико-правовой и прикладной. В итоге, разумеется, не без помощи других акторов (анализирующих, как правило, либо систему обязательств в семейно-правовой сфере [23] и те или иные свойства рассматриваемой конструкции [24], либо отдельные виды соглашений/обязательств данного типа), постепенно происходит приближение результатов размышлений к формированию концептуальных основ означенной теории.

В «феноменологии духа» данного действия явственным образом просматриваются несколько предположений: 1) внедрение конструкции брачного договора неизбежно породило вопрос о его отраслевой природе (гражданско-правовой, смешанной, семейно-правовой), степени свободы и устойчивости при порочности некоторых его элементов; 2) расширение сферы соглашений (в своей определенной части именуемых договорами) – по смыслу Семейного кодекса Российской Федерации³ (далее – СК РФ), добавило в «топку» соответствующих энергетических компонентов; 3) появление договора суррогатного материнства усилило размышления о небесспорности тех договорных конструкций, которые, будучи «услуговыми» и/или имущественными по своему содержанию, имеют (или должны иметь) целеполагание и опору в специфике семейных отношений [1; 2]. Данные гипотетические соображения находятся под общим, стратегическим, воздействием идеи о суверенности семейного права и чрезвычайной несхожести отношений с семейным элементом (интересом) и отношений гражданского оборота либо же, напротив, идеи всеобъемлющего и неутомимого давления на «семейную материю» со стороны принципов, технологий и механизмов классической цивилистики. Столкновение этих начал сказывается на доктринальном прочтении семейно-правовых договорных смыслов,

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

но более всего, с практической точки зрения, – на их нормативно-правовых вариациях, что впрочем, в значительной мере является результатом нахождения проблемы в активном дискуссионном поле.

Тем не менее, несмотря на более, чем столетний, самостоятельный путь в деле правового регулирования отношений семейной природы (с учетом означенного противостояния с материнской отраслью), неисследованные лакуны в семейно-правовом пространстве продолжают существовать. Это относится и к системе семейно-правовых договоров. При этом наиболее полно исследованы конструкции брачного договора [25; 26; 27; 28], соглашения об алиментах [29; 30; 31] и разделе общесупружеского имущества [32; 33; 34], договор суррогатного материнства [35; 36; 37], об опеке и приемной семье [38; 39; 40], далеко недостаточно – соглашения о детях (между родителями, с участием близких родственников) [41; 42; 43], а также фиктивные договоры [44; 45] и некоторые другие.

Системные аспекты семейно-правового договорного регулирования доктринально выявляются и анализируются, хотя это пока их не возвысило на завершённый концептуальный уровень, что неудивительно – ввиду трудностей этого жанра в принципе и трудностей преодоления гражданско-правового влияния на объем и качество данной семейно-правовой конструкции. И все же, как мы уже отметили ранее, исследовательские размышления начаты и продолжаются. Так, предложена общая характеристика особенностей семейно-правовых договоров: 1) их целеполагание – создание супружеской общности (договор о брачном союзе), надлежащее воспитание ребенка, забота о его личностном формировании (все соглашения о детях), материальная поддержка нуждающихся членов семьи (других субъектов семейного права⁴), построение имущественных отношений в браке или после его расторжения на основе начал семейного законодательства о взаимной поддержке членов семьи и совместного решения ими вопросов ее функционирования), справедливый раздел имущества (с учетом жизненно важных интересов детей и заслуживающих внимания интересов супруга/супругов), вынашивание и рождение ребенка; 2) специальный субъектный состав – супруги (и «предсупруги» – жених и невеста), родители, дети, братья, сестры, бабушки, дедушки, внуки, отчим, мачеха, пасынок, падчерица, фактический воспитатель и фактический воспитанник, усыновители и усыновляемые, опекуны и подопечные⁵; 3) отсутствие возмездности, даже и в имущественных договорных правоотношениях⁶; 4) в договорных правоотношениях с участием воспитателей ребенка присутствует «теневой субъект» (или, как мы выразились ранее, – «ангел» [1, с. 353]) в лице дитяти, причем в зависимости от возраста мера его «теневого» влияния меняется (до 10 лет, с 10 лет, с 14 лет) – вплоть до постановки вопроса о включении в субъектный состав договаривающихся сторон (в качестве заинтере-

⁴ Мы придерживаемся точки зрения о несовпадении данных терминологических обозначений [46].

⁵ Являясь противниками объединения в один общий закон попечения над детьми и взрослыми людьми, а также принадлежности института опеки и попечительства несовершеннолетних к гражданскому праву, мы проводим различия и в субъектном составе.

⁶ В рамках судебного процесса, то есть за пределами самоурегулирования, некоторые элементы возмездности просматриваются, хотя и в специфической версии: отступление от принципа равенства долей при разделе общесупружеского имущества в случае недобросовестного поведения супруга, отказ в иске (ограничение обязанности сроком), если истец ненадлежащим образом выполнял свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка или недостойно вел себя в браке. Нетрудно заметить, что подобные юридические факты, влияющие на судьбу обязательства, – вполне типичны для семейно-правовой методологии и экзотичны для гражданско-правовой.

сованного лица)⁷; 5) весьма ощутимое (а в ряде позиций – и доминирующее) влияние на судьбу (содержание) договоров оказывает одна из ключевых семейно-правовых конструкций – интересы ребенка (широко и разнообразно толкуемые); 6) на содержание любого (или почти любого) договора с семейным элементом оказывают также прямое или косвенное воздействие нравственные конструкты [48].

В рассматриваемую систему, в зависимости от цели, состава участников и содержания договора, объединены относительно самостоятельные видовые блоки, формирующиеся на основе различных критериев – личной и имущественной природы, с детским участием (непосредственным или опосредованным), институциональной принадлежности (из брака, родительства, родства и т.п.). Особые ниши занимают две разновидности. Первая – фиктивные договоры (фиктивный брак, брачный договор, о разделе общесупружеского имущества, алиментах, опеке, даже и признание внебрачного отцовства в форме совместного заявления, также предполагающее соглашение двух лиц – мужчины и женщины). Вторая – договоры двойной (смешенной) природы. Причем относительно «членства» в них доктринального единства не наблюдается. Так, брачный договор рассматривается в качестве гражданско-правового (М. В. Антокольская [49, с. 205-206], Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников и др. [50, с. 103]), семейно-правового (А. М. Нечаева [51, с. 41-42], О. Н. Низамиева [34, с. 52], Н. Н. Тарусина и др. [21]) или смешенного (Слепакова А. В. [52] и др.). Если третья версия учитывает особенности семейных правоотношений, то первая – не только официально их игнорирует на доктринальном уровне, но и создает предпосылку для оправдания таких вариаций брачного договора (например, о долевом или раздельном режиме), которые могут не соответствовать началам семейного законодательства (ст. 1 СК РФ), особенно если в его содержании не предусмотрено правил формирования и расходования общесемейного бюджета и семейное хозяйствование в целом (а участие членов семьи в ведении общего хозяйства, включая домашний труд, по нашему мнению, составляет один из ключевых признаков семьи, в том числе основанной на супружеском союзе [52, с. 368]).

Аналогичная констатация возможна и в отношении договора суррогатного материнства: рассматривать его как разновидность соглашения об оказании специальных возмездных услуг – безнравственно. Недаром в доктрине замечено, что подобные соглашения должны квалифицироваться как ничтожные сделки, противные основам нравственности и правопорядка (ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸; далее – ГК РФ) (О. Ю. Косова) [53]. Впрочем, в доктрине высказана и иная точка зрения на природу договора суррогатного материнства: поскольку его предмет не могут составлять действия по вынашиванию и рождению ребенка (они не подвержены волевой регуляции), а передача ребенка, как и запись о родительстве зафиксированы в правилах СК РФ, речь может идти не об услуговых композициях, а о предоставлении материального содержания суррогатной матери со стороны заинтересованных в добром результате лиц [54]. В рамках осмысления такого неординарного соображения нетрудно заметить аналогию с семейно-правовыми алимент-

⁷ На данную возможность указывает и конструкция согласия ребенка на совершение ряда семейно-правовых актов [47]. Другое дело, что данный аспект проблемы не отработан в доктрине и не отражен в семейном законе, а также создает неопределенность для правоприменительной практики: «правовые одежды» для ребенка (с размером в соответствии с возрастом) либо с «дырами», либо вовсе отсутствуют. Это относится как к его семейной-правовой (включая договорную позицию), так и гражданско-процессуальной правосубъектности.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ными обязательствами, хотя автор, конечно, настаивает на гражданско-правовой природе отношений.

Обсуждаемая конструкция является элементом юридико-фактического состава для возникновения родительских правоотношений (при этом – в их весьма сложном переплетении прав и интересов будущих генетических родителей, суррогатной матери, а впоследствии – и ребенка, чье право знать о своем происхождении ограничено правилом о тайне). Неблагополучие в этой сфере подтверждается и противоречивыми позициями высших судов. Так, с одной стороны, Конституционный Суд РФ подтвердил соответствие Конституции РФ нормативного положения о необходимости согласия суррогатной матери на запись «заказчиков» в качестве родителей ребенка (не без основательных сомнений ряда судей, выраженных в особых мнениях), с другой – ориентировал правоприменение на правовую позицию Верховного Суда РФ, в которой в том числе содержится рекомендация судам общей юрисдикции при рассмотрении дел об оспаривании соответствующего решения суррогатной матери обращаться к анализу содержания договора между нею и заказчиками⁹. Между тем норма абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ является не ситуационной (диспозитивной), а императивной, следовательно, понуждение суррогатной матери к передаче ребенка является ничтожным условием соглашения сторон. Иное решение возможно лишь при изменении подхода законодателя к данному вопросу – при переворачивании данной «пирамиды приоритетов». Однако законодатель к этому, видимо, не готов, а правоприменитель позволяет себе толкование за пределами допустимых границ – в ситуации, когда судебское усмотрение законом не предложено (кроме случаев явного злоупотребления правом со стороны суррогатной матери). (Подробный анализ правовых позиций содержится в других трудах автора [55; 56].)

Как известно, на практике также заключаются договоры с «одиноким мужчиной», который исключен из числа субъектов (ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), но, по факту, становится «суррогатным отцом», требует фиксации своего родительства, а при отказе органа ЗАГС обращается в суд; последний в большинстве случаев выносит решение в пользу мужчины – в интересах детей (чтобы не плодить сиротство) [57]. Полагаем, что и в данном случае законодательно следует подтвердить свою позицию (например, в СК РФ), а Верховному Суду РФ – сформировать ее¹⁰. А для надежности исполнения закона – проти-

⁹ Определение КС РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс»; определение КС РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. С. Д. и С. Т. на нарушение конституционных прав пунктом 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹⁰ Дело доходит до своеобразного абсурда: мужчина, незаконно ставший «суррогатным отцом», может впоследствии потребовать, при определенных условиях, выплаты материнского (семейного) капитала. И, например, Конституционный Суд РФ, вполне понимая незаконность действий заявителя, но будучи связанным предметом жалобы, дал ответ (причем положительный) только по существу права на семейный капитал... См.: постановление КС РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П по делу «О проверке конституционности статьи 3 Федерального

воедействовать заключению незаконных договоров между женщиной, медицинским учреждением и суррогатной матерью – вплоть до отзыва лицензии у организации.

Казалось бы, вопрос о гражданско-правовой природе договора о криоконсервации эмбрионов не относится к дискуссионным. Однако избыточный формально-юридический подход к его содержанию, в том числе и фиксация классического положения о прекращении его действия и уничтожении генетического материала – в ситуации отказа от продолжения его сохранения одной из сторон, не обеспечивает защиты значимых интересов второй стороны, особенно если речь идет о невозможности повторного получения означенного материала вследствие медицинской операции или по иным причинам. Как известно, и международная, и отечественная судебная практика исходят именно из представления о необходимости взаимности волеизъявления – в противном случае речь идет о принудительном родительстве (как правило, отцовстве). И это с очевидностью отражает гражданско-правовой подход к решению столь тонкой проблемы. Полагаем, что требуемый баланс интересов должен быть в подобных случаях нарушен в пользу стороны, стремящейся реализовать возможности вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатного материнства). Однако следует учесть и интерес противоположной стороны: вместо «принудительного родительства (отцовства)» – предусмотреть освобождение от родительского статуса и фиксировать факт происхождения ребенка по правилам фиктивной записи (п. 3 ст. 51 СК РФ)¹¹. В связи с этим, как следствие новеллы, можно предположить, по крайней мере, смешенную природу договора о криоконсервации эмбрионов. Хотя по большому счету разумнее было бы организовать в СК РФ самостоятельный нормативно-правовой блок о ВРТ, включая институт суррогатного материнства, в котором были бы обозначены все существенные обстоятельства вокруг столь специфической группы отношений. Это, конечно, не приведет к безусловному признанию семейно-правовой природы всех договорных вариаций в данной сфере, однако систематизирует, организует их под общим «флагом», что не менее (если не более) важно, особенно с прикладной точки зрения.

Столь же меньшую, если не большую, сложность в определении онтологии отношений представляет фактическое супружество. По сути, оно основано на неопределенном договоре, заключенном в простой устной форме. Обе характеристики находятся в дискуссионном поле. При этом данное соглашение не имеет не только своего прямого закрепления в СК РФ, но даже и опосредованного. Не останавливаясь на аргументах за юридическое признание фактического брака (они в развернутом виде представлены в других наших трудах [46; 59; 60], отметим лишь, что в рамках действующего законодательства и правоприменительной практики его косвенное признание осуществляется лишь в ситуации *post mortem* (при доказанности факта нахождения пережившего фактического супруга на прижизненном иждивении у умершего партнера), каковое имеет перспективу усилиться в связи с законопроектом о равенстве статусов вдов зарегистрированного брака и фактических вдов, состоявших в семейном союзе с участниками СВО, погибшими при исполнении своего воинского долга¹². Однако, в отличие от авторов законопроекта (среди ко-

закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Подробно об этом см. в других трудах автора [58].

¹² См. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 31.01.2025).

торых – классические цивилисты) полагаем, что локализация нормы о признании означенных правовых последствий должна быть осуществлена в СК РФ, а не в ГК РФ (например, в качестве замечания об исключении, в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, из правила о признании браком только зарегистрированного супружества – п. 2 ст. 1 СК РФ). Что касается гипотезы об использовании конструкции непоименованного договора, даже и гражданско-правового (что, впрочем, не отвечает сущности данного семейного союза), то проблема находится не столько в юридической плоскости, сколько в житейском обыкновении: как правило, в фактическом браке в правовой неурегулированности отношений реально заинтересована лишь одна сторона (в большинстве случаев – мужчина), другая же лишь мирится с ситуацией ради сохранения семьи (а особенно – материнства), пусть и в таком незаконном виде.

Среди, казалось бы, традиционного ассортимента семейно-правовых соглашений, также присутствуют либо пограничные, либо «полумифические» конструкции. К первым относятся соглашения о предоставлении материального содержания субъектам¹³ семейного права (алиментов), поскольку они частично подвержены и гражданско-правовому регулированию. Однако их целеполагание, предмет, основания, иные значимые характеристики (например, можно предусмотреть, по аналогии с соответствующим правом суда, возможность прекращения алиментного обязательства вследствие недостойного поведения управомоченного лица, изменения семейного положения стороны/сторон и т.д.) свидетельствуют о семейно-правовой природе: субсидиарное применение к ним гражданского законодательства этого не перечеркивает, так как означенная технология решает факультативные задачи, не подрывая при этом сущностного начала соглашения об алиментах и алиментного обязательства в целом [20, с. 102]¹⁴.

Вторым претендентом на данный статус является договор об опеке (в том числе о приемной семье): несмотря на «захват территории попечения над детьми» универсальным законом (ФЗ «Об опеке и попечительстве»), хотя и с остаточным присутствием норм института в СК РФ (что разрушило его систему), цели, субъектный состав, основания возникновения/прекращения, содержание договоров данного типа по-прежнему остаются в лоне начал семейного законодательства (ст. 1 СК РФ). Причем наиболее ярко и убедительно это подтверждается судебной практикой: при оспаривании отказа в назначении опеки в рамках судебного процесса обсуждаются характеристики личности претендентов, особые обстоятельства их жизни (судимость за определенные виды преступлений и т.п.), привязанность к ним ребенка, то есть предмет доказывания по делу формируют искомые факты, нетипичные для жанра классической цивилистики [63].

К «полумифическим» относятся все вариации соглашений о детях. Даже те из них, которые впрямую предусмотрены СК РФ (об имени ребенка, месте его проживания, порядке общения отдельно проживающего родителя или близкого родственника – как внесудебного типа, так и судебных мировых соглашений), не обогащены конкретикой своего содержания ни на «миллиграмм». Наряду с ними не исключаются,

¹³ Мы осознанно не употребляем термин «член семьи», ибо, как мы уже отметили ранее, далеко не все стороны алиментного обязательства относятся к таковым, даже и бывшим (граждане могут быть субъектами иных связей семейно-правовой природы).

¹⁴ Следует заметить, что в цивилистике высказываются предложения, ориентирующие на усиление «расчетливости» в построении алиментных обязательств, целесообразности, при определении размера алиментов на детей, учета всех экономических и квазиэкономических усилий сторон [61]. Подробную критику данного подхода см. в других работах автора [62].

на наш взгляд, соглашения о возможности и порядке общения с ребенком других лиц – родственников из более отдаленного ряда, свойственников. На данном этапе развития семейного закона их также можно квалифицировать в качестве непоименованных договоров. Более того, полагаем, что и этот круг в интересах ребенка, может быть расширен, например, за счет лиц, утративших формально-юридическую с ним связь, но к которым он привязан и испытывает потребность в сохранении общения (в качестве иллюстрации заявленного см. дело «Назаренко против России»¹⁵).

К числу архигипотетических принадлежит идея о согласовании (то есть своеобразном соглашении) между супругами, а также и между женщиной и мужчиной, не состоящих в браке, вопроса о сохранении беременности – с возможными неблагоприятными последствиями для первой при отсутствии взаимности (например, в виде исключения из статуса мужчины, чье родительство установлено в судебном порядке, отцовских обязанностей, в том числе по содержанию ребенка) [61]. Формальное обоснование подобного предложения зиждется, разумеется, на базисе принципа равенства мужчины и женщины... Однако, как известно, гендерное равенство сосуществует с гендерной дифференциацией, учитывающей, в первую очередь, специфику материнства и конституционно-правовой вектор на его особую защиту. Кроме того, понуждение женщины к прерыванию беременности, пусть и косвенное (посредством постановки ее в неблагоприятное положение в будущем), напоминает нам картины в духе Дж. Оруэлла...

Изложенные семейно-правовые договорные вариации свидетельствуют как о богатстве юридических, квазюридических и фактических «окрасках» отношений с семейным элементом, допускающих согласительность при разворачивании и свертывании своего содержания, так и усиливающейся актуальности их исследования – в совокупности как суверенную систему, и по отдельности, как разнообразное проявление договороспособности семейных правоотношений, система предполагает единство в разнообразии составляющих ее элементов [64, с. 17], связанных общей стратегической целью, обобщенным предметом (в образе семейных интересов) и другими значимыми критериями. В доктрине справедливо отмечается, что система, в том числе в нашем случае – семейно-правовых договоров, не может и не должна быть закрытой [19; 64]: возникают и эволюционируют фактические отношения, обнаруживаются ошибки законодателя и правоприменителя, изменяются мировоззренческие позиции в обществе. Для улавливания этих «волн» прикладная юриспруденция располагает соответствующими технологиями – конкретизацией, субсидиарным применением закона, правовой аналогией, набором способов толкования, правилами разрешения коллизионных предписаний, даже судебным нормотворчеством (в том числе «изобретением» дополнительных характеристик договорных конструкций), в целом – административным, судебским и индивидуальным (для граждан, реализующих свои субъективные семейные права и отвечающих по своим обязанностям) усмотрением [65; 66].

Кроме предложенных в начале нашего повествования характеристик семейно-правовой договорной конструкции, в доктрине осуществляется аналитика

¹⁵ Постановление ЕСПЧ № 39438/13 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) // СПС «КонсультантПлюс».

Приводим данный казус лишь в качестве фактологического материала, а не назидания со стороны ЕСПЧ (даже во времена российской к нему юридической прикосновенности некоторые представители политических кругов, доктрины, включая автора, и судебной практики весьма критически оценивали решения-окрики со стороны данной структуры).

и других ее граней. Так например, исследуются функции семейно-правовых договоров – регулятивная и охранительная¹⁶ (1), юридико-фактическая (2), гарантирующая (3), опережающая (4), информационная (5) (О. Н. Низамиева), воспитательная (6) и др. Особенности проявления первой (и на регулятивном, и на охранительном уровне) являются проекцией такого фактора, как мера взаимодействия публичного и частного интереса. В связи со значительным присутствием в семейном законе публичной компоненты, обеспечивающей государственный и общественный интерес в особой охране и защите семейных ценностей [67, с. 35-52; 68], существенно ограничена свобода семейно-правового договора, хотя разумеется, в различной степени – в зависимости от его разновидности, выстраиваются заслоны от злоупотребления правом, в том числе сильной стороны против слабой, однако и формируется основа для разумного усмотрения сторон при выстраивании содержания индивидуального соглашения, в том числе с учетом принципа невмешательства государства в сугубо личную сферу отношений с семейным элементом, впрочем далеко не абсолютного в своем воплощении¹⁷[15]).

Вторая функция, юридико-фактическая, будучи классической, как и иные, ограничена специфическими конструкциями с семейным элементом: договор далеко не всегда является юридическим фактом для возникновения семейных прав и обязанностей, но способствует их изменению или (в меньшей степени) прекращению, а также конкретизации, индивидуализации; статический аспект данной функции заключается в фиксации на моменте конкретизированной соглашением статусности субъектов, динамический – в осуществлении, реализации прав и исполнении, неисполнении, ненадлежащем исполнении обязанностей [17].

Гарантирующая функция семейно-правовых договоров [16] существенно слабее, нежели в классической цивилистике (особенно это заметно для соглашений о детях). В то же время по отдельным разновидностям она, напротив, усиливается (например, это произошло с соглашением о разделе общесупружеского имущества, приобретшим нотариальную форму удостоверения). Не исключается и добровольное (не предусмотренное семейным законом) дополнительное обеспечение исполнения: например, нотариальное удостоверение соглашения о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя. Своеобразный гарантирующий эффект принадлежит медиативному соглашению¹⁸. При этом следует заметить, что иногда законодатель необоснованно снижает уровень гарантии. Так, например, нельзя признать недействительным фиктивный брак или брак с очевидным пороком воли после его расторжения¹⁹ (п. 4 ст. 29 СК РФ). Для нас это – очередная загадка, предложенная российским правотворцем... Избыточная неопределенность наличествует и в вопросе трактовки такого основания признания брака недействитель-

¹⁶ В широком (не специально-доктринальном) смысле охранительная функция является подвидом регулятивной.

¹⁷ Например, российское государство не регулирует различного рода партнерства сексменьшинств (как бы на этом ни настаивали некоторые представители цивилистической доктрины), полагая, видимо, эти отношения частным делом граждан, правда, в тех пределах, которые не затрагивают общественной нравственности и ценностей российского общества (иначе оно включает охранительные правовые механизмы противодействия такому злоупотреблению).

¹⁸ Впрочем, мы являемся противниками данного способа снятия семейно-правового конфликта, предпочитая ему осуществление примирительных процедур в рамках судебной системы (правда, специально для этой задачи усовершенствованной).

¹⁹ А брак, как мы уже отметили ранее, можно рассматривать как особый договор о семейной, супружеской, общности.

ным, как специфические вариации заблуждения в субъекте: сокрытие факта смены пола, бесплодия, судимости за тяжкие преступления – субсидиарного применения к таким ситуациям норм ст. 178 ГК РФ, ввиду их исключительно личного характера, явно недостаточно. В доктрине также критикуются проектные попытки отказаться от недействительности брачного договора по основанию крайне неблагоприятных условий для одной из сторон в его содержании [28]. Предлагается также включить в договорную составляющую брака условие о супружеской верности – с соответствующими неблагоприятными правовыми последствиями как некой гарантии данного обязательства²⁰ (таковые, как известно, некоторые супруги включают в содержание брачного договора). Подобный романтизм представляется нам несколько избыточным...

Опережающая (прогностическая) функция семейно-правовых договоров, как и в целом для правового регулирования (его форм, способов, механизмов, технологий), обеспечивает продвижение рассматриваемой конструкции по пути самосовершенствования, оптимизации ее системы и содержательных компонентов [14]. В качестве наиболее ярких образцов в доктрине приводятся ситуации с развертыванием конкретизирующих положений договора суррогатного материнства, вырастания из процедуры добровольной выплаты алиментов соглашения о предоставлении материального содержания членам семьи, а из весьма рамочных соглашений о супружеском имуществе – брачного договора [14]. К сожалению, данная функция работает далеко не в полную силу, что подтверждается и отдельными примерами, приведенными нами ранее.

Среди других функций особо следует обозначить воспитательную, поскольку в семейно-правовой сфере она значима, как в никакой другой. Во-первых, в той или иной форме присутствуют нравственные конструкты (либо в качестве деклараций, общих пожеланий, либо способов прямого закрепления в конкретных нормах, хотя и не всегда с санкционным обеспечением, либо в скрытом виде, проявляющемся при разрешении семейных дел в административном и судебном порядке): о взаимной поддержке членов семьи, взаимоуважении, недостойном поведении супруга, нравственной характеристике кандидата в опекуны, моральной оценке личности родителей и их настоящих и будущих действий, наконец, предположение о супружеской верности (или ее антогонисте – измене) и т. д. Во-вторых, собственно категория «воспитание» («надлежащее воспитание») напрямую вписана в анналы семейного закона. В-третьих, необходимо аккуратно (не без тонкости подхода) решать терминологические задачи. Например, такие словесные формулы закона, как «одинокая женщина», «одинокая мать», «суррогатная мать» и т. п. вопиют к замене на психологически комфортные и этически оправданные [70]²¹. В-четвертых, воспитательная функция семейного закона в целом (в союзе с уже обозначенными

²⁰ Подробнее об этом см. в других трудах автора [48; 69]. Мы считаем, что условие о супружеской верности, если может объявляться в семейном законе, то лишь на уровне деклараций ст. 1 СК РФ, которые имеют общерегулятивное и воспитательное значение и не всегда обеспечиваются конкретными диспозициями, а тем более – санкциями.

²¹ В ГК РФ – «переживший супруг», страховом законодательстве – «возраст дожития» и др. ... При этом не употребляется термин «одинокый мужчина» - наши поздравления законодателю [70]. Например, термин «суррогатная мать» можно заменить на «биологическая мать» (при необходимости – дополнить «по договору»); «одинокая» - на «не состоящая в браке». Да, последний вариант – не столь краток, но он не создает психологического дискомфорта для женщины и отвечает этическим требованиям к юридической терминологии.

ее проявлениями) как закона справедливого, разумного создает основу для мотивации граждан к следованию ему.

Все эти вариации, конечно же, воздействуют и на сферу договорного регулирования семейных отношений. А в качестве некоей обобщающей функции нельзя игнорировать и информационную, которая ориентирована не только на профессионалов, но и на граждан – субъектов (будущих субъектов) семейных правоотношений. В связи с этим текст семейного закона, включая формулы договоров, должен быть четким и ясным по стилистике, логике частей внутри нормы и между семейно-правовыми предписаниями, не игнорировать конкретику (которой как раз и не хватает в большинстве соглашений, кроме брачного договора), не злоупотреблять специальной юридической терминологией – именно и прежде всего потому, что нормативные положения СК РФ затрагивают жизненно важные интересы всякого российского гражданина. Кроме того, семейный закон должен содержать необходимый понятийный аппарат (а не удовлетворяться формальными «определениями» типа «ребенком является лицо, не достигшее совершеннолетия...»), на что неоднократно указывалось в доктрине [2; 46; 59] и законопроектных предложениях.

Подводя итоги нашим размышлениям (не только у «парадного подъезда» семейного закона, но и его «черного входа», предназначенного для факультативных проблем, а также жестко оспариваемых предложений), заметим, что тридцатилетний юбилей СК РФ мотивирует и доктринальные исследования, и правотворческую работу к активизации по его совершенствованию [71], в том числе и относительно обсужденной в статье проблемы: обозначение конструкции семейно-правового договора в структуре общих начал СК РФ, организация самостоятельного и систематизированного нормативно-правового блока о ВРТ, расширение сферы и конкретизация содержания соглашений о детях, а также реакции на фиктивные договоры с семейным элементом, корректировка содержания брачного договора – с учетом целеполагания семейного закона, дополнение и расшифровка оснований недействительности супружеского союза, перевод фактического семейного союза из пространства правового небытия в область семейно-правового регулирования (хотя и на определенных условиях).

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с. (Ярославская юридическая школа начала XXI века).
2. Тарусина Н. Н. Семейное право: в "оркестровке" суверенности и судебного усмотрения: монография. Москва: Проспект, 2014. 288 с. EDN RFXESR
3. Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 1. С. 57-65. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(1).57-65
4. Михеева Л. Ю. Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация частного права / под ред. Д. А. Медведева. Москва: Статут, 2008. С. 196-234.
5. Антокольская М. В. Семейное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности "Юриспруденция". Москва: Юристъ, 1997. 365 с.
6. Ворожейкин Е. М. Семейное право как самостоятельная отрасль права // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 29-37.
7. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва: Юридическая литература, 1974. 351 с.

8. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Москва: Статут, 2005. Т. 2. С. 269-288. EDN KVXEZE
9. Александров Н. Г. К вопросу о роли договора в регулировании общественных отношений // Ученые записки ВЮН. 1947. Вып.6. С. 60-83.
10. Тихомиров Ю. А. Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. 1990. № 5. С. 27-35. EDN TUBOTV
11. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова [и др.]. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2009. 834 с. (Ярославская юридическая школа начала XXI века).
12. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Таглитмат, 2005. 216 с. ISBN: 5-8399-0124-5 EDN QWMJOB
13. Низамиева О. Н. Договорное регулирование семейных отношений в обеспечении прав и интересов детей // Семейное право на рубеже XX-XI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О. Н. Низамиева. Москва: Статут, 2011. С. 207-213. EDN JFCRDG
14. Низамиева О. Н. Об опережающей функции семейно-правового договора // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 53-64. EDN YRLGAX
15. Низамиева О. Н. Особенности реализации регулятивной функции семейно-правовых договоров // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 10. С. 32-40. DOI 10.17803/1729-5920.2020.167.10.032-040
16. Низамиева О. Н. О гарантирующем эффекте договоров в семейном праве // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 25-32. EDN WDWGGJ
17. Низамиева О. Н. Юридикто-фактическая функция семейно-правового договора // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 4. С. 19-36. DOI 10.17803/1729-5920.2022.185.4.019-036
18. Низамиева О. Н. Система договоров семейно-правовой сферы (начало) // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 10-13. DOI 10.18572/1999-477X-2024-5-10-13
19. Низамиева О. Н. Система договоров семейно-правовой сферы // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 19-22. DOI 10.18572/1999-477X-2024-6-19-22
20. Тарусина Н. Н. Об эволюции конструкции семейно-правового договора: по общему смыслу и в некоторых деталях // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития: сб. ст. по итогам IV междунар. юрид. форума (25-27 мая 2022 г.): в 3 ч. / под ред. О. Н. Шерстобоева [и др.]. Новосибирск: НГУЭУ, 2023. Ч. 3. С. 96-104. EDN PXDFFW
21. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. Москва: Проспект, 2017. 480 с. EDN XDQCIN
22. Тарусина Н. Н. Семейно-правовой договор: общая "феноменология духа" // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 73-78. EDN VXCMID
23. Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Чашкова Светлана Юрьевна. Москва, 2004. 197 с. EDN NMVBTN
24. Звенигородская Н. Ф. Договорное семейное правоотношение: единство и дифференциация // Юрист. 2014. № 1. С. 22-27. EDN RUBPIX
25. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. Москва: Ось-98, 2003. 144 с.
26. Левушкин А. Н. Институт брачного договора в Российской Федерации, других государствах-участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учебно-практическое пособие. Москва: Юстицинформ, 2012. 208 с. EDN TGCWRX
27. Низамиева О. Н. Некоторые проблемы формирования содержания брачного договора // Государство и право. 2010. № 3. С. 66-73. EDN LOZUEF
28. Темникова Н. А. Признание брачного договора недействительным в связи с тем, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 3. С. 53-60. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(3).53-60

29. Косова О. Ю. Алиментные обязательства. Иркутск: Издательство Иркутского юридического института, 2003. 216 с.
30. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. Москва: Статут, 2018. 207 с.
31. Максимович Л. Б. Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 11-12. DOI 10.18572/1999-477X-2020-3-11-12
32. Низамиева О. Н. Развитие правоприменительной практики по вопросу о правовом режиме супружеского имущества в договорах с участием супругов // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 4. С. 130-138. DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.130-138
33. Чашкова С. Ю. Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 13-17. DOI 10.18572/1999-477X-2023-6-13-17
34. Личные и имущественные правоотношения супругов: учебное пособие / отв. ред. О. Н. Низамиева. Москва: Проспект, 2024. 128 с.
35. Современное биомедицинское право: учебник / А. В. Александрова, Л. Н. Берг, М. А. Болков [и др.]. Москва: Проспект, 2023. 480 с.
36. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. Москва: Проспект, 2013. 144 с.
37. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования: монография. Москва: Проспект, 2021. 216 с. EDN LMZWOG
38. Михеева Л. Ю. Опекa и попечительство: теория и практика / под ред. Р.П. Мананковой. Москва: Волтерс Клувер, 2004. 368 с.
39. Детское право: учебник / отв. ред. Н. Н. Тарусина. Москва: Проспект, 2024. 616 с.
40. Темникова Н. А. Природа договора об осуществлении опеки (попечительства) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 104-111. EDN LAADHD
41. Звенигородская Н. Ф. Договорное родительское правоотношение: общее и частное // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3. С. 158-164. EDN PFRJHV
42. Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 144 с. EDN HGXWSQ
43. Ильина О. Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4. С. 15-22. DOI 10.26456/vtpravo/2022.4.015
44. Тарусина Н. Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84-87. EDN TZVQFD
45. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78-84. EDN TXTJGN
46. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4. С. 21-33. DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033
47. Тарусина Н. Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18-21. DOI 10.18572/1999-477X-2024-5-18-21
48. Тарусина Н. Н. О нравственных конструктах в ценностном ряду российского семейного закона // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 58-73. DOI 10.18255/2306-5648-2023-1-58-73
49. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2010. 431 с.
50. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. Семейное право: учебник для юридических вузов / под ред. П. В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2007. 302 с.
51. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. Москва: Юрайт, 2007. 280 с.

52. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. Москва: Статут, 2005. 442 с. ISBN: 5-8354-0298-8 EDN QWQMZX
53. Косова О. Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. 1996. № 2. С. 46-53. EDN TOAFUV
54. Белова Д. А. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 88-94. EDN RVXJRA
55. Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95-109. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-2-95-109
56. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68-84. DOI 10.12737/jrl.2022.073
57. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о родительстве, осложненном особыми обстоятельствами // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 9-12. DOI 10.18572/1999-477X-2023-6-9-12
58. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о "праве родиться" // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 5. С. 52-62. DOI 10.17803/1729-5920.2021.74.5.052-062
59. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364-381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381
60. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на "волнах" эволюции российской цивилистики. // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11-13. DOI 10.18572/1999-477X-2025-2-11-13
61. Иванов А. А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // Закон. 2023. № 2. С. 110-119. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-2-110-119
62. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или "усекновение" традиции // Закон. 2024. № 6. С. 78-85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85
63. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И., Федотов А. И. Попечение над детьми: исторические и современные этюды // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15, № 1. С. 56-71. DOI 10.18255/2306-5648-2025-1-56-71
64. Шершень Т. В. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Шершень Тамара Васильевна. Екатеринбург, 2002. 23 с. EDN NMDZDX
65. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5. С. 40-48. DOI 10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048
66. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2011. 284 с.
67. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. Москва: Городец, 2007. 192 с. ISBN: 5-9584-0133-5 EDN RERVHC
68. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33-52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
69. Тарусина Н. Н. О семейно-правовом значении фактов личного характера в супружеских правоотношениях (продолжение) // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 16-18. DOI 10.18572/1999-477X-2023-4-16-18
70. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 115-122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115
71. Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12. С. 10-22. DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022